

ПОЭЗИЯ ЗЕМНОГО

Недавно я около месяца пробыл на одном крупном нефтеперерабатывающем заводе. Познакомился с главным инженером завода, человеком образованным и глубоко душевным. Но ему нелегко, потому что до него на заводе работал человек совсем иного склада, который окружил себя узким кругом людей, только на них и опирался. Новый главный инженер загрузил рабочих технической литературой, заинтересовал их всеми тонкостями технологии. При новом главном инженере многие стали рационализаторами.

Столкнулись два принципа, два отношения к делу. Это очень серьезная проблема. Она столько же социальная, сколько и нравственная.

Наивно, конечно, думать, что все, увиденное в жизни, немедленно переносится на бумагу. Так происходит с писателями только в плохих биогrafических фильмах. В действительности все гораздо сложнее.

Однако кое-какие выводы из увиденного можно сделать уже сейчас. Если сравнить поиски героя с поисками золота, то можно так сказать: самородок — это мечта всякого золотискателя, и мы тоже ищем «самородок», чтобы показать его крупностью, чистоту, цельность. Но самородки редки, основная масса золота — мельчайшие золотые крупинки, вымытые из обычного, казалось бы, песка. Но он не обычный, он золотосный.

Моя пьеса «Не забывай меня, солнце» — о Сергее Чекмареве. Говоря о характере Чекмарева, К. Федин назвал его «без рисовки героичным». Поступки, мысли, чувства Чекмарева будто рождены сегодняшним днем, пьеса бы-

ла и данью моей благодарности Чекмареву — он рабстал в совхозе, в тех местах, где я родился и вырос, где после него осталось в людях что-то очень светлое.

В прошлом театральном сезоне судьба свела меня с талантливыми режиссерами А. Мамбетовым и Р. Сейтметовым в Казахском академическом театре драмы имени М. Ауэзова, И. Лиозиним во владивостокском театре, Л. Валеевым у нас в Башкирии. Хотя у каждого из них было свое видение, но все поставили пьесу как поэтическую драму, а она имеет свои законы, свой ключ.

Подчас говорят, что поэтическая драма не очень действительна. Но разве драма должна состоять лишь из глобальных столкновений, неожиданных сюжетных поворотов? Разве сосредоточенный образ мышления не заключает в себе действие? И те образы, которые носим в душе и вдруг, встречая их в жизни или на сцене, восклицаем: «Жизнь прекрасна!» — не действительны? И разве сожаления о том, кем мы хотели стать и кем не стали, не обладают «тихой» взрывной силой? И музыка, и стихи, которые вызывают в тебе нежность, восторг, печаль, вспышки озарения, не действительны? Меня потрясает и та женщина, которая у могильного камня исходит бурными слезами, и еще больше та, которая застыла в безутешном горе...

Мы смотрим на поэтическую драму и видим часто только «кожный покров». Но когда режиссер вживается в систему образов пьесы, в твои мысли и чувства, тогда, конечно, под кожным покровом прощупываются и мышцы, и нервы, и кровь.

Азат АБДУЛЛИН

МАМБЕТОВЫЙ ГАЗЕТЫ
МОСКВА

ИНВ 1971